

Хроника

**«Власть, ранг и статус:
текстиль и репрезентация».
27-я Генеральная ассамблея
и конгресс CIETA**

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург,
25–27 сентября 2017 года

Татьяна Лехович

Первое за шестьдесят три года существования Международного центра изучения старинных тканей CIETA (Centre International d'étude des Textile Anciennes; <http://www.cieta.fr>) заседание в России стало чрезвычайно важным событием не только в научной жизни Эрмитажа, но и несомненным фактом признания вклада российских ученых в изучение истории европейского текстильного производства. CIETA было основано в 1954 году как некоммерческое общественное объединение музейных кураторов, реставраторов и исследователей текстиля. В настоящее время в него входит около 500 членов. Задача Общества — пропаганда коллекций текстиля на международном уровне, изучение и обмен опытом в области истории текстиля, а также в сфере методик реставрации и консервации тканей. В CIETA состоят все хранители текстильных коллекций ведущих музеев мира. Общество управляется Советом, насчитывающим 22 члена. До 2005 года единственным представителем музейного сообщества России в совете была А. А. Иерусалимская, хранитель коллекции кавказских тканей Эрмитажа, однако с 2005 года по настоящее время в совет также входит Т. Н. Лехович, хранитель европейских тканей и шпалер в Эрмитаже.

По традиции конференции CIETA — Asssemblée Generale — проводятся раз в два года, обязательно на базе какого-то крупного собрания текстиля. Последние Ассамблеи проходили в Париже (1995), Кембридже (1997), Берне (1999), Лионе (2005 и 2013), Комо (2007), Брюсселе (2009), Копенгагене (2011). В 2015 году ассамблея CIETA состоялась в Берлине.

В 2017 году после окончания масштабных реконструкций, Государственный Эрмитаж наконец смог принять и провести конгресс CIETA на основе своей коллекции. Петербургская ассамблея была давней мечтой многих членов общества, поскольку собрание текстиля Эрмитажа не только входит в число богатейших в мире, но в нескольких аспектах совершенно уникально. Его коллекции костюма, восточных ковров, русских и европейских шпалер и тканей всегда привлекают внимание исследователей, однако Пазарык и Сибирская коллекция, Кавказ и Мощевая Балка, комплекс Ноин-Ула и Аржан — это те экспонаты, которые нельзя увидеть больше нигде в мире и которые вызывают огромный интерес у наших иностранных коллег.

Для Ассамблеи CIETA 2017 года была избрана тема, имеющая непосредственное отношение к русским императорскими коллекциям и связям с другими странами: «Власть, ранг и статус: текстиль и репрезентация» (*Power, Rank and Status — Textiles and Representation*), позволившая поговорить о технологических и художественных особенностях производства текстиля, и в то же время рассмотреть его роль в историческом и политическом контексте своей эпохи.

Чтобы представить как можно большее число докладов, во время работы конгресса были организованы специальные секции, непосредственно связанные с коллекциями Эрмитажа и других музеев. Это дало возможность показать фундаментальное собрание эрмитажного текстиля специалистам со всего мира, а также продемонстрировать новые хранилища, куда к этому времени переехали эрмитажные фонды, и предмет особой гордости музея в области работы с текстилем — Лабораторию научной реставрации тканей, решающую сегодня совершенно уникальные задачи — от реставрации интерьеров и ковров до работ на микроуровне с археологическими экспонатами.

Первые заседания Ассамблеи проходили в здании Эрмитажного театра (25 и 26 сентября), а завершилась конференция уже в современной аудитории Реставрационно-хранительского центра «Эрмитаж — Старая Деревня». В общей сложности для участия в заседаниях

сообщества в Петербург приехали более 140 иностранных гостей и около 70 сотрудников из музеев России — хранителей коллекций текстиля и костюма, реставраторов, коллекционеров и независимых исследователей. Таким образом, для участников это событие стало уникальной возможностью не только услышать доклады ведущих мировых экспертов, но и установить профессиональные контакты с коллегами из других стран и городов.

Специально к Ассамблее СИЕТА Эрмитаж подготовил огромную выставку тканей и костюма «Энциклопедия текстиля. История», причем множество вещей на ней были показаны впервые. Отдельная экспозиция «Энциклопедия текстиля. Реставрация» была посвящена 80-летнему юбилею эрмитажной Лаборатории реставрации тканей. Этот раздел позволил всем специалистам ознакомиться с новыми техниками реставрации и особенно интересными работами Лаборатории Реставрации за все время ее существования. В общей сложности на выставке было представлено около 300 экспонатов, которые вошли в специально подготовленный сотрудниками научный каталог «Реставрация».

Главной целью конгресса стало обсуждение круга проблем, связанных с многовековой ролью тканей в репрезентации власти и государственных институций, а также представителей аристократии, духовенства и богатых горожан. Специфика текстиля как материала, его фактура и адаптивность к разным ситуациям и пространствам сделала ткани идеальным декором для дворцов, ратуш и шатров, а также улиц и площадей. Украшенные гербами и монограммами своих владельцев, они провозглашали ранг и статус персон и институтов, служили политически значимыми символическими и дипломатическими дарами. Не меньшее значение в репрезентации власти имели и предметы одежды. Приданое невесты могло включать — помимо полезного и необходимого — престижные текстильные изделия, которые предназначались не для повседневного использования, а служили доказательством богатства и вкуса их владельцев. Превращение платья в литургическое облачение работало на престиж (и память) как прежних владельцев, так и церковных сокровищниц, в которые они попадали от донаторов. Вопрос, какой костюм был уместен и приемлем в определенных обстоятельствах, не только стал предметом обсуждения в целом ряде прозвучавших на Ассамблее докладов, но и вызывал порой жаркие споры.

Так, Сесилия Анеер (Университет Упсалы) в своем сообщении «От меха рыси до телячьей кожи: статус мехов в модном платье при королевском шведском дворе, около 1540–1620 годов» остановилась на одной из важных частей монаршего гардероба Нового времени. На основании учетных книг королевских хранилищ, реестров ремесленных мастерских и инвентарей исследователь реконструировала значение и функциональное использование мехов в начале правления династии Васа. В XVI веке в Европе мех играл важную роль в модном платье, поэтому и при шведском королевском дворе было образовано «Отделение мехов и кож», *Skinnkamaren*. Оно служило местом хранения шерсти и шкур, которые король получал в качестве податей или покупал у торговцев. В хранилищах находилось столовое и постельное белье для королевской семьи, а также меха для дипломатических даров и для натурального обмена. Привлекаемые Анеер уникальные исторические источники позволили ей реконструировать статус разных типов мехов и принципы их использования различными социальными группами, а также правила размещения в качестве отделки и подкладки в предметах одежды и других текстильных изделиях.

Ее французская коллега Клер Бертомье (Музей тканей и декоративно-прикладного искусства, Лион) также сосредоточила свои интересы на императорском костюме, однако обратилась от мехов в сторону роскошных тканей. Ее сообщение «Подношения монархам всех стран от города Лиона: великолепные ткани в гардеробе императриц Евгении и Виктории» базировалось на изучении сохранившихся образцов из Музея тканей Лиона. Придворные платья, предназначенные для этих императриц, были предметом специальных заказов от крупнейших лионских домов. Они часто экспонировались и получали призы на Всемирных выставках, особенно на знаменитых экспозициях 1855 и 1867 годов. Однако, несмотря на то что их ткани несомненно являются наглядным свидетельством превосходства лионских шелков в своей сфере индустрии, большая их часть до сих пор оставалась неопубликованной. Проведенная при подготовке доклада атрибуция этих заказов позволила помимо изменений в моде определить признаки высокого качества с точки зрения новизны рисунка (великолепные и умело организованные композиции, эффект троплей, цветовой контраст), использования материалов (шелка, металлических нитей) и внедрения новых техник (инновации

в производстве фасонных тканей, разработка набивки по основе, усовершенствование процесса прессования муара).

Ксавье Бонне (Париж) перенес внимание от тканей женского гардероба к их роли в саморепрезентации просвещенного философа. Он представил слушателям свое исследование, посвященное Вольтеру в Фернее и принципам мебелировки и убранства жилища джентльмена-буржуа. Проследив рост благосостояния Вольтера и его социального статуса на протяжении многих лет, он представил портрет философа, родившегося в буржуазной среде Парижа и начавшего карьеру со звания камер-юнкера королевского двора, но окончившего свои дни богатым вельможей, с тремя десятками слуг и домочадцев, разъезжающим в карете и ведущим диалоги с интеллектуальной и политической элитой своего времени. Главными объектами внимания в докладе Бонне стали мебелировка и убранство замка Вольтера в Ферней, создававшиеся между 1760 и 1778 годами и известные благодаря многочисленным источникам: фрагментам тканей, планам, макетам, финансовым отчетам, переписке, гравюрам, картинам. Место, которое философ отводил различным тканям в мебелировке, позволило Бонне определить манеру, в которой философ обставил свой *l'Auberge de l'Europe*, как называл свой замок сам Вольтер, чтобы иметь возможность достойно принимать высоких гостей. Он показал особенные приемы, которые философ сознательно использовал для создания интерьера со вкусом, но достаточно скромного, намеренно контрастирующего с масштабами одной из самых значительных личностей века Просвещения.

Доклад Сары Ван Дейк (Рейксмузеум, Амстердам) «Тканый пир для короля» был построен вокруг убранства монаршего обеда. В 1604 году производитель льняных камчатных тканей из Харлема Паскье Ламмертийн отправил в Генеральные штаты Датской Республики комплект скатертей и салфеток, которые должны были служить дипломатическим подарком королеве Франции. В Рейксмузеуме хранится одна из этих скатертей с изображением накрытого стола и герба Генриха IV Французского, с инициалами «PL» и датой «1604». Ламмертийн выполнил и варианты аналогичных наборов для датского короля Кристиана IV. До сих пор историки тканей рассматривали мотив пира как шутивную «обманку», однако декор борта, содержащий изображения четырех элементов, позволяет предположить более глубокое значение, имеющее отношение к распространенным

в то время идеям о здоровье и правильной пище. В своем сообщении голландская исследовательница продемонстрировала, что банкетная скатерть была прекрасным подарком для правителя не только из-за своей высокой стоимости, но и потому, что могла подчеркнуть статус и полезность королевского обеда.

Исторической роли парадных тканей за пределами Франции были посвящены несколько следующих докладов. Кьяра Басс (Центр изучения истории тканей, Милан) обрисовала подробную картину политически значимых торжеств Мантуанского герцогства *Magna Curia* (Королевство Сицилия, 1130–1816) 1340 года, во время которых были отпразднованы четыре свадьбы и проведена инвеститура 24 кавалеров. Герцог Луиджи Гонзага, его сын и двое внуков вступили в брак с представителями наиболее влиятельной аристократии Северной Италии. По итогам единовременных свадебных торжеств был составлен список полученных даров — серебряной посуды, оружия, лошадей, около 880 предметов одежды, учтены все расходы по содержанию сотен гостей в течение восьми дней, а также *purchase homages* («официальные дары») для кавалеров и наиболее именитых участников. Список был составлен на культурной средневековой латыни с множеством непонятных терминов. Эта терминология стала предметом тройного глоссария, подготовленного и опубликованного с транскрипцией Кьярой Басс и Даниелой Феррари в ноябре 2016 года. В представленном на конференции докладе Кьяра Басс впервые проанализировала символическое и материальное значение упомянутых в списке тканей с помощью серии технических, исторических и экономических перекрестных ссылок. Оценивая и сравнивая коммерческое и символическое значение даров, поднесенных новобрачным, кавалерам и гостям, исследователь воссоздала систему социальной иерархии в Северной и Центральной Италии середины XIV столетия накануне великих перемен.

Первые шаги в изучении английской черной вышивки, развитие которой английская историография связывает с прибытием Екатерины Арагонской ко двору Тюдоров в 1501 году, были сделаны в сообщении Аны Кабрера Лафуэнте (Музей Виктории и Альберта, Лондон) «Передача знания: бархаты и черные вышивки в Музее Виктории и Альберта в Лондоне». Ее исследование, основанное на новейших возможностях изучения металлических нитей с помощью цифрового микроскопа и SEM (сканирующего электронного микроскопа)

в сотрудничестве с Институтом археологии UCL, было посвящено сравнительному анализу группы бархатов, приписываемых Турции, Италии и Испании. Рассматривая особенности структуры переплетения металлических нитей на материале коллекций бархатов и черных вышивок от Позднего Средневековья до начала Нового времени, автор показал, что эти технологические признаки позволяют выявить различия и сходства тканей, объяснить, как могли осуществляться культурные влияния, пришедшие из других художественных техник (таких как рисунок, гравюра и т. д.) или регионов Средиземноморья, и выделить конкретные мастерские.

Франчина Кьяра (Комо) посвятила свое выступление неопубликованной коллекции из церкви горной деревушки на озере Комо. Ее сообщение «Приход церкви Сантиссима Аннунциата в Доссо дель Лиро: текстильное наследие как символ престижа отдельной личности и общины» было основано на уникальном феномене эмиграции в эти края из Сицилии и Палермо с конца XVI по XVIII век. Эмигранты основывали в деревне братства, или *scholae*, называемые по именам святых покровителей их родных мест, с целью помогать друг другу и собирать средства или пожертвования в пользу деревенской церкви. Прилив эмигрантских денег объясняет богатство и качество местного текстильного наследия. Каппы, шазюбли, далматики, балдахины, украшенные картушами с инициалами донаторов, а также блазоны свидетельствуют о социальных изменениях в среде эмигрантов и их семей, об их желании продемонстрировать достигнутое благополучие и разделить его со своей общиной, укрепив ее престиж.

Двойной доклад Нади Фернандес де Пинедо (Независимый университет, Мадрид) и Марии Паз Морал (Баскский университет, Бильбао) продолжил тему оборота тканей при европейских дворах и предложил слушателям детальный разбор ситуации употребления шелка, шерсти, льна, хлопка и конопли при королевском дворе Исабель I Кастильской (1492–1504). Причем в сообщении речь шла не только о приобретении и предназначении материй для определенных типов одежд самой королевы, ее детей и окружения, но и для королевских даров другим персонам (рабам, прислуге и т. п.).

Главным сюжетом исследования Анны Жоли (Фонд Абегг-Штифтунг, Риггисберг, Швейцария) стала льняная камчатная ткань как средство изображения. Белые льняные скатерти играли важную роль в королевских застольях начиная со Средних веков. Однако

в конце XV века с появлением в Нидерландах ткацкого станка с веревочным управлением на льняных камчатных тканях начали помещать фигуративные композиции. Их иконографический репертуар составляли портреты королей и князей, гербы, библейские сцены и исторические битвы. Подобные ткани с фигурными изображениями на протяжении XVI и XVII веков производились почти исключительно в Южных и Северных Нидерландах. Однако использование их было распространено по всей Европе, причем поначалу главным образом в обиходе князей и королей. В течение XVII столетия такие изделия стали доступны и богатым буржуа, поскольку торговля, наследование и дары обеспечивали им распространение во все более широких социальных кругах. В таких случаях стандартные рисунки могли быть дополнены гербами, именами и датами, а хорошо документированное происхождение некоторых скатертей свидетельствует о том, насколько высоко они ценились.

Мария Жоа Пачеко Феррейра (Лиссабонский университет) вновь вернулась к сквозному для конференции вопросу власти и ранга на примере «Использования китайских тканей в крещении принцессы Изабеллы Жозефы в Королевском дворце в Лиссабоне». Описывая, как в 1669 году португальский королевский дом праздновал крестины Изабеллы Браганской (Изабеллы Луизы Жозефы Португальской), первой кандидатки на трон, появившейся на свет после восстановления независимости португальской монархии (1640), автор проанализировал программу пышных декоративных украшений королевского дворца, построенную в основном на дорогом тканом убранстве. Особое внимание было уделено китайским тканям, представленным в комнате с тронным местом, и их репрезентативной роли в создании символического имиджа власти Португальского королевского дома в столь важный политический момент.

О проблеме трансформации светских тканей в литургические облачения говорила на конференции Лина Дарен (Университет Упсалы). Предметом ее сообщения стали платья из драгоценного шелка с золотыми плетеными позументами, гербами и монограммами семейства Гилленстерна, переданные в начале XVII века тремя сестрами из этой семьи в дар местным приходским церквям в Швеции. Демонстрирующие статус знатного семейства изысканные материи, использовавшиеся в конце XVI века для официальных придворных платьев, через пятьдесят лет оказались приспособлены

для литургических облачений с целью сохранения памяти об аристократической семье. В своем историческом расследовании, основанном на многочисленных источниках — самих облачениях, счетах, инвентарях и современных описываемым событиям изображениях, Дарен ответила на вопросы о том, кто имел право носить такие материи, в каких случаях они использовались первоначально и в каких вторично, и определила принципы употребления одних и тех же тканей в разных контекстах.

Тема вторичного использования тканей и одежд получила развитие еще в двух докладах — Тове Энгельхард Маттиассен (Музей истории города и культуры, Орхус) «Вторичное использование одежд Ее Королевского Величества» и Александры Палмер (Королевский музей Онтарио, Торонто) «Мода, время и их смешение: переделывая историю моды». Если в первом из них речь шла об уникальной особенности вкусов королевы Маргрете Датской, носившей некоторые предметы своего гардероба десятилетиями, или вновь обращавшейся к старым, перешитым по ее заказу, вещам, то автор второго сообщения поставил проблему более широко, говоря о характерном для современной науки интересе к составлению «биографий» перешитой одежды — явлению, которое может нести даже большее культурное содержание, чем коллекционирование костюмов, сохранившихся в первоначальном виде. Повествуя о социальных и экономических ценностях прошлого и подвижности модных тенденций, изучение таких трансформированных объектов, особенно кросскультурных гибридов, дает новую информацию о том, как и почему их создатели и потребители использовали и воскрешали старые моды, создавая изделия, глубоко связанные с портновской практикой прошлого.

В отдельный, чрезвычайно интересный блок можно выделить прозвучавшие на конгрессе доклады, посвященные русско-европейским текстильным связям. К их числу принадлежит выступление Анны Марии Коломбо (Турин) «Итальянская камчатная ткань в распорядении русского царя», проливающее свет на один из заказов русского двора. В нем сообщалось об экспортировавшейся в Россию во второй половине XVI века литургической камчатой ткани, изготовленной на тосканской мануфактуре. Подобные ткани в XVI и XVII веках пользовались наибольшей популярностью среди шелков. Их выпускали все итальянские производители, причем каждый со своими декоративными особенностями. Чаще всего эти ткани имели крупные

рисунки, что делало их более подходящими для придания особенной привлекательности одежде светской и церковной элиты. Например, ткань, о которой идет речь, по заказу князя Шуйского была использована для изготовления большого флага с росписью на религиозные сюжеты, а также изображениями сцен придворной жизни. В 1610 году русские войска потерпели поражение от поляков в битве при Клушине и были вынуждены уступить им знамя, которое вошло в коллекцию Музея Чарторыхских в Кракове, где и хранится до сих пор.

В докладе Татьяны Лехович (Государственный Эрмитаж) и Мари Бузар (Университет моды, Лион) «Лион и русские заказы лионских шелков во второй половине XIX века» авторы затронули историю лионско-русских связей, установившихся после Тильзитского мира (1807), и подчеркнули большое значение русских заказов лионским ткачам на примере поставок для убранства Елагиноостровского, Аничкова и в особенности Зимнего дворцов. (Ил. 2.) В дальнейшем в России были открыты собственные фабрики, пытавшиеся состязаться в превосходстве с лионскими мануфактурами. Но несмотря на это Россия продолжала обращаться к Франции. В своем исследовании, касавшемся второй половины XIX века, Лехович и Бузар смогли пролить новый свет на экономические и культурные взаимоотношения этих производств, а также на назначение заказанных тканей при русском дворе.

Эту же историю русско-лионских контактов продолжило сообщение Екатерины Поляковой (МГХПА им. С. Г. Строганова) «Лионские рисовальщики для тканей при русском дворе во второй половине XVIII века». В нем сообщалось о вкладе в русское шелковое производство 1760-х годов лионского мастера Гюгеса Симонда. Он прибыл в Россию для работы на шелковых мануфактурах по приглашению князя А. М. Голицына из Англии, где создавал рисунки для узорчатых тканей. В 1761 году Симонд поступил на службу при русском дворе, подписав контракт на три года. Сохранился оригинал контракта с подписями, печатями и всеми условиями его деятельности в России. В его обязанности входило создание рисунков для шитых серебром и золотом шелков, а также обучение этому искусству русских мастеров. Таким образом, Симонд провел в России с 1761 по 1764 год, исполняя эскизы для тканей по заказу русских императриц. Его последней работой перед возвращением в Англию было создание шелковых «штофов» для парадной опочивальни

1. Реконструкция узора для шелковой ткани Гюгеса Симонда для опочивальни Екатерины II

Екатерины II в Зимнем дворце. (Ил. 1.) Важное свидетельство этой работы — сохранившиеся наброски для узорной ткани, которую он привез в Россию как пример своего искусства. Автору доклада удалось по фрагментам реконструировать эти рисунки, что позволило получить представление о раппорте этого узора.

Особым мероприятием конгресса, также посвященным русско-лионским контактам, стала лекция, состоявшаяся в Петровском зале Зимнего дворца и подготовленная совместно русскими и французскими специалистами. В ней Татьяна Лехович (Государственный Эрмитаж), Гийом Верзье (Мануфактура *Prelle*, Лион) и Марина

2. Луиджи Премацци. *Малиновый кабинет в Зимнем дворце*. 1869
Бумага, акварель. 35 × 45,4
Государственный Эрмитаж

Денисова (Государственный Эрмитаж) представили историю реставрационных работ по восстановлению шелковых панелей Петровского зала, начавшихся в 2010 году и длившихся пять лет. Пунцовые бархатные панели, декорированные золотыми аппликациями в виде русских имперских орлов, были заказаны русским двором лионской фирме *Le Mire P. F.* в 1856 году. Дом *Prelle*, наследник фирмы *Le Mire P. F.*, сохранил в своем архиве российский заказ и образцы тканей 1850-х годов. Перед началом реставрационных работ лабораториями реставрации тканей в Эрмитаже в течение года велось научное исследование в российских и лионских архивах. Подробный

рассказ об истории этих архивных и технических изысканий, а также о поисках решений на каждом из этапов беспрецедентного реставрационного проекта позволил слушателям оценить масштаб работ членов международной команды, результатом которой стали новые бархаты, вытканые фирмой *Prelle* по сохранившимся образцам. Они были использованы для новых стеновых панелей, на которые установили оригинальные аппликации, отреставрированные в Эрмитаже.

Еще один аспект текстильных собраний петербургского музея нашел отражение в докладе Нины Тарасовой (Государственный Эрмитаж) «Церемониальные костюмы русского императорского двора: жизнь по уставу», посвященном уникальной коллекции костюмов XIX — начала XX века для официальных придворных церемоний. Некогда эти наряды символизировали могущество Российской империи и роскошь русского императорского двора. Но жизнь и практика привнесли свои изменения даже в эту сферу. Изучение архивных документов и опубликованных материалов, а также сочинений мемуарного жанра дали возможность куратору коллекции церемониальных костюмов Эрмитажа открыть некоторые интересные особенности их бытования при русском императорском дворе, позволявшие этим нарядам, с одной стороны, поражать великолепием и соответствовать статусу участника придворных торжеств, а с другой — быть в то же время функциональными и комфортными.

Кирстен Тофтегаард (Музей дизайна, Копенгаген) в свою очередь сосредоточилась в докладе на эрмитажной коллекции западноевропейских тканей XIV–XIX веков, уделив особое внимание небольшой группе ранних фрагментированных набивных тканей. Некоторые из них исследователь отнес к так называемой интернациональной группе, выделенной Дональдом Кингом в 1962 году, другие — к имитации кружева и, наконец, ряд образцов XVII века к тканям, «демонстрирующим яркие барочные черты». Объединяющая всю эту группу ранних фрагментов простая технология набивки масляной краской позволила Тофтегаард поставить вопрос о том, насколько правомерно традиционное определение тканей такого рода как простого заменителя «настоящих» узорчатых тканей или, несмотря на свое невысокое качество, они сами по себе являются ценными знаками власти, ранга и статуса.

Предметом следующего выступления стала судьба серии испанских шпалер, посвященных жизнеописанию Дон Кихота и поступив-

ших в собрание Государственного Эрмитажа в 1950-е годы. Проследив историю популярности этого сюжета в ткачестве начиная с XVII века, когда сцены романа были адаптированы для изображения на шпалерах такими знаменитыми художниками, как Жан ван Орлей, Шарль-Антуан Куапель и Шарль-Жозеф Натуар, Конча Эрреро Каррето (Мадрид) остановила свое внимание на цикле из семи шпалер, изготовленных на королевской мануфактуре в Мадриде в правление Филиппа V. Она рассмотрела положенные в основу их композиции картоны итальянских художников Андреа Прокаччини и Доменико Мария Сани, охарактеризовала королевскую и аристократическую клиентуру, для которой предназначались шпалеры, а также рассказала о рассеивании дворянских коллекций и королевского собрания Испании начиная с XIX столетия и вплоть до гражданской войны.

Еще две участницы из России — Дарья Васильева и Марина Гаврилова (обе — Государственный Эрмитаж) впервые познакомили коллег с «Православными литургическими облачениями из исламских тканей в коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа». Их доклад был построен вокруг группы из 32 православных литургических облачений, 27 фелоней и 5 стихарей, изготовленных из тканей, импортированных из Турции и Ирана. Эрмитаж никогда не собирал такие облачения целенаправленно, тем не менее этот корпус предметов представляет собой внушительное число примеров, демонстрирующих русский вкус к драгоценным исламским тканям. Семь из них в свое время были пожертвованы в Троице-Сергиеву лавру высокопоставленными русскими донаторами. Их имена вместе с датами пожертвования и некоторыми подробностями записаны в инвентарях Лавры. Эти облачения, шесть из которых сшиты из оттоманских шелков и бархатов и один из савафидского бархата, в 1935 году были временно переданы на выставку иранского искусства и так и остались в собрании Эрмитажа. Еще одно замечательное облачение — фелонь с изображением Меджнуна в пустыне в окружении диких зверей — происходит из коллекции Щукина.

Ольга Васильева-Кодонье (Высшая школа социальных наук, Париж) сделала сообщение о «Русском вкладе в моду *à la giraffe* и ее противниках в России начала XIX века». Прочитав объявление, появившееся в «Московском телеграфе» в январе 1828 года и расхваливавшее новые ткани мануфактуры Рогожиных «цвета райской птицы» и украшенные мотивом *à la giraffe*, исследовательница

воссоздала контекст и последствия этого, на первый взгляд курьезного, явления. Впервые использовавшие мотив *à la giraffe* братья Рогожины не только были на пике моды — жираф прибыл в Парижский зверинец всего несколькими месяцами ранее, — но и на пике прогресса, поскольку одними из первых русских предпринимателей приобрели жаккардовый ткацкий станок. Их ткани пользовались популярностью и не только продавались в большом магазине в Гостином Дворе в Санкт-Петербурге, но и могли сравниться с лучшими французскими изделиями. Однако, несмотря на свой успех (призы и отличия первых промышленных выставок в Санкт-Петербурге в 1829 и в Москве в 1831 годах), у тканей *à la giraffe* нашлись противники, которые сочли выбор мотива «неверным», животное «совершенно неизвестным» в наших краях, и назвали узор «соединяющим азиатские и европейские вкусы». При всей анекдотичности этой полемики, дебаты вокруг импорта французской моды в Россию были столь же важными с культурной и политической точек зрения, сколь с коммерческой и экономической. Эти споры, в первое время подкреплявшиеся полемикой о языке, длились несколько десятилетий, однако в конечном итоге пути моды и языка все-таки разошлись: русские аристократы заговорили на своем родном языке, но продолжали одеваться на западный манер — наступило время диктата французской моды.

Еще одним самостоятельным разделом конгресса можно назвать группу докладов, связанных с изучением восточных тканей и текстильных изделий. Ее открыло выступление Стивена Коэна (Лондон) «Шелковые ткани в технике лампас для шатров Могольской Индии». В фокусе внимания докладчика оказалась взаимосвязь между масштабом шелковых текстильных узоров и королевским патронажем Могольского двора. Правители Индийского субконтинента традиционно использовали переносные шатры для своего пристанища во время военных кампаний и путешествий. Их статус явственно демонстрировали размер, декор и цвет шатров, но более всего редкие шелковые ткани в технике лампас созданы во времена правления императоров Акбара, Джахангира и Шах-Джахана. Ряды соединенных тканых панелей, канатов, узнаваемых по их двойным аркам и парусам на вершине, мы можем видеть в гравюрах, рисунках, вышивках и даже вытканными на станках. Но если большие орнаменты было достаточно легко воспроизвести в вышивке, рисунке или печати, то огромный размер некоторых раппортов рисунка в тканях в технике лампас,

которые использовались как панели для шатров, могли быть выполнены только при поддержке королевского патронажа.

Несомненный интерес вызвала презентация Звезданы Доде (Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону) и Хелен Персон (Музей Виктории и Альберта, Лондон), посвященная «Китайским камчатным тканям для монгольского платья и христианского алтаря». Шелковые ткани Монгольского периода сегодня широко известны благодаря тому, что они сохранились в сокровищницах европейских соборов, а также археологическим находкам в захоронениях кочевников. Эти ткани создавались в различных техниках переплетения и цветовых палитрах, а их орнаментальное разнообразие вообще необычайно велико. Однако до сих пор не было случая, когда фрагменты одной ткани были бы найдены в разных памятниках. Поэтому особый интерес в докладе представляли шелковая камка из средневекового кургана на территории нынешнего Казахстана и антепендиум из церкви Эскильстуна в Швеции. Одевание монгольского воина, как и антепендиум христианского алтаря, оказалось сделано из идентичной красной камчатной ткани с гранатовым узором. Подобные находки отдельных фрагментов одной и той же ткани в разных культурных контекстах открывают новые перспективы для исследования.

Один из самых живописных аксессуаров роскошного аристократического персидского наряда XVII–XVIII веков стал сюжетом исследования Янины Поскробко (Музей Метрополитен, Нью-Йорк) «Персидские пояса: значение, стиль и структура переплетения». Богато декорированные, вытканые из шелка с золотыми или серебряными нитями, они носились как комплект из двух или трех переплетенных поясов контрастных цветов, четко определяя социальный статус владельца. Их сильнейшее влияние на современную моду и ткацкую индустрию стимулировало появление местных производств тканей этого типа не только на Востоке, но и в некоторых западных странах. Для большинства персидских поясов характерна определенная модель: композиция, состоящая из центральной панели и каймы, а также вертикальных и горизонтальных бордюров. К ним относятся изделия королевских мануфактур Кашана и Исфахана. Выражая высокий статус шелковых тканей, которого они достигли во времена династии Савафидов, пояса соединяют в себе лучшие стилистические достижения с высочайшим техническим качеством. Однако небольшое число научных публикаций этого материала и ограниченное

число изображений аутентичных примеров до сих пор мешали целостному представлению об их великолепных узорах и техниках. Корпус из 33 поясов, которые докладчик видел в музейных коллекциях Польши, России, США и Англии, впервые продемонстрировал три стилистических и технических типа, выявляемых среди персидских поясов. На основании детального изучения рисунка, материала и структуры плетения Поскробко разделила следующие группы: пояса с «цветущими растениями», пояса с «цветочными овалами» и пояса «со звездами». Обзор этих групп с многочисленными иллюстрациями — общими видами, фрагментами и снимками, сделанными под микроскопом и дополненными информацией о рисунках и переплетении нитей, открыл участникам Ассамблеи перспективы сравнения поясов, происходящих из разных культурных областей.

Наталья Сеницына (ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря, Москва) в своем докладе познакомила собравшихся с инновационными методами «Реставрации вышивок из курганов с вечной мерзлотой в Монголии (Фойе)». Она рассказала, что в 2006 и 2009 годах в рамках двух экспедиций Института археологии и этнографии были обнаружены уникальные находки в древних захоронениях представителей знати I века до н. э. династии Хунну в Северной Монголии в горах Ноин-Ула. В результате раскопок курганов, принадлежавших богатой аристократии, был найден богатейший материал, представляющий культуру Хунну. В частности, среди находок оказались два вышитых ковра, которые выглядели сначала как многослойные куски глины, а также большое количество цветных тканей, также лежавших под слоями глины. Первый ковер был извлечен со дна 31-го кургана Ноин-Ула с глубины 14 м. Второй — из 20-го кургана с глубины 18 м. Консервация этих изделий стала захватывающим дух проектом, для осуществления которого были разработаны специальные методы извлечения и первоначальной обработки тканей, заключенных в глину.

Недавние значительные археологические текстильные находки из курганов осветила в своем сообщении и Елена Царева (Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН). В своем исследовании «Градации статуса: репрезентативный текстиль в курганах ранних кочевников Южной Сибири» она познакомила участников конгресса с текстильной культурой Тувы и Алтая, известной, главным образом, благодаря большому числу царских курганов, сравнимых по уровню репрезентативности с египетскими

пирамидами. Будучи народом со строго структурированным обществом, ранние кочевники выработали систему маркеров для демонстрации социального статуса своих членов. Поэтому находки из кургана Аржан-1 (Тува, VIII век до н. э.), где социальный статус погребенных персон коррелирует с расположением камер и типом сопровождающих захоронение тканей, так же как и памятники другой эпохи из кургана Пазырык-5 (Алтай, середина III века до н. э.), свидетельствующие об одинаково высоком статусе помещенных в кургане войлоков и тканей, чрезвычайно важны. Три из них — исключительные по репрезентативным, художественным и имплицитным качествам — «Пазырыкский ковер», «Большая войлочная завеса» и в особенности так называемый Иранский чепрак стали предметом пристального интереса известного ученого.

Неожиданной теме «Выражения власти посредством европейских узоров в жакетах японских воинов XVI–XVII веков» посвятил свой доклад Масако Йошида (Университет искусств, Киото). Известно, что на полях сражений и во время церемоний японские воины носили особые жакеты. В XVI и XVII веках (с конца «эпохи воюющих провинций» Сэнгоку до начала периода Эдо) декор воинского платья стал особенно разнообразен. Узоры символизировали силу и мощь владельца, привлекая к нему внимание и оказывая психологическое воздействие на врага. После прибытия в Японию европейских властей для военных жакетов стали использоваться шерстяные ткани и шелковые бархаты. Шерстяные ткани ввозились из Европы, шелковые бархаты — из Европы и Китая. Поскольку китайские ремесленники в свою очередь копировали европейские рисунки, то элементы европейских орнаментов нередко встречаются на шерстяных и бархатных жакетах японских воинов и также выполняют роль репрезентации воинской силы.

Сюжетом еще одного исследования был избран статус дарения одежды при королевском дворе на Мадагаскаре в 1780–1896 годах. Выступление Сары Фи (Королевский музей Онтарио, Торонто) показало, что, как и многие другие монархии, королевский двор в Антананариву на Мадагаскаре использовал одежду в качестве государственного дара первостепенного значения, регулярно жалую нарядами слуг, подданных и зарубежных лидеров вплоть до 1896 года, когда государство Имерина прекратило свое существование. Хотя это известный факт, представленные на конгрессе подробности — объемы даров,

диапазон получателей, ритуалы передачи, иерархия предметов одежды, которая варьировалась от промышленного хлопкового белья до роскошной парчи местного производства, — до сих пор не были предметом специального исследования. Представленные в сообщении многочисленные текстовые свидетельства, почерпнутые в Малагасийских Королевских архивах, и музейные объекты, идентифицированные как королевские дары, продемонстрировали большую политическую роль дарения одежды при Имеринском дворе.

Богатый изобразительный материал эгейских тканей древности привлекла Агата Улановска (Институт археологии Варшавского университета), подготовившая сообщение об «Изучении текстиля и ткацких технологий как возможных маркеров статуса в Греции бронзового века». Целью ее работы стало выяснение основного круга вопросов, связанных с производством и бытованием сложных узорчатых тканей, принадлежавших представителям элиты, участвовавшим в религиозных и придворных церемониях. Кто мог производить элитные одежды тонкой работы? Контрактники, независимые ремесленники или, может быть, сами женщины из круга этой элиты? Кем были мастера, внедрявшие технические инновации (ткачество рисунка, окрашивание тканей, новые волокна) и какие лежащие в основе этого социальные отношения могли поощрять прогресс в текстильных технологиях бронзового века, засвидетельствованный в изобразительном искусстве? В результате поведенного анализа высокий уровень текстильных технологий был подтвержден археологическими памятниками, говорящими о развитых техниках окрашивания (например, пурпуром) и возможном использовании таких редких сырьевых материалов, как дикий или морской шелк. Многочисленные находки гирек от ткацкого станка в жилищах и дворцовых помещениях на Крите и Тере позволили докладчику предположить, что производство тканей было организовано и контролировалось придворной элитой по крайней мере с конца среднего бронзового века. Согласно документам позднего бронзового века, промышленные масштабы текстильного производства, находящегося в дворцовом ведомстве, сказались на качестве продукции, уже стандартизированных предметов, а социальный статус ткачей, работавших по контракту или нанятых, был достаточно низким.

Завершением конгресса стала специальная лекция «Агит-текстиль — символ советской власти», прочитанная в Конференц-зале

Академии им. Штиглица во время визита участников Ассамблеи в музей академии. Ее авторы — Николай Бесчастнов, Дмитрий Ткач (оба — Университет технологии и дизайна им. Косыгина, Москва) и Марина Блюмин (Государственный Эрмитаж) представили собравшимся одну из самых знаменитых московских коллекций текстиля — наиболее полное в мире собрание пропагандистских тканей, хранящееся в музее Государственного университета технологии и дизайна. Созданные учащимися и преподавателями ВХУТЕМАСа второй половины 1920-х — начала 1930-х годов, набивные ткани с агитрисунками сегодня не только представляют уникальную историческую ценность, но и используются в процессе создания проектов новых тканей и в обучении специалистов в области истории художественного ткачества.